

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, Ван Чуньхуа всё ещё сидела во дворе и обирала зёрна с колосьев. Он посмотрел на то, что нёс в руках, и украдкой, стараясь не привлекать внимания, прошёл через маленькую дверь позади главного зала. Через окно за кухней он положил внутрь купленные потроха и внутренности, а сам, прихватив мясо, вошёл через дверь главного зала.

— Вернулся, — Нин Гуйчжу подошёл к нему и, заметив то, что было у Сюн Цзиньчжоу в руках, недоумённо приподнял бровь.

Не дожидаясь вопроса, Сюн Цзиньчжоу понизил голос:

— Сначала спрячем на кухне. Не дай невестке увидеть, а то ругать будет.

Купить кошкам и собакам потроха и внутренности на корм - за такое от Ван Чуньхуа точно влетит.

Нин Гуйчжу:

— ...

Он едва удержался, чтобы не рассмеяться.

Пока супруги стояли рядом и тихонько переговаривались, Ван Чуньхуа подняла на них глаза, но тут же снова отвела взгляд.

Нин Гуйчжу велел Сюн Цзиньчжоу отнести всё на кухню.

— В колодце охлаждается сладкий суп из маша. Достань и попробуй, похож ли вкус на тот самый.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу сразу зашагал бодрее.

— Раз ты приготовил, точно будет вкусно.

— Сначала попробуй, потом говори.

Нин Гуйчжу проводил его взглядом до кухни и вернулся к бамбуковой кровати. Каркас он закрепил ещё раньше, а в ключевых местах забил бамбуковые штифты. До возвращения Сюн Цзиньчжоу Нин Гуйчжу как раз успел подготовить все необходимые бамбуковые планки и теперь собирался делать само ложе.

Он взял короткие толстые бамбуковые планки, примерил их и выдолбил на двух длинных

сторонах каркаса соответствующие пазы. Затем вставил туда планки и плотно подбил их обухом ножа.

— Чжу-гер, невестка, — Сюн Цзиньчжоу вернулся с двумя чашками сладкого супа из маша. — Скорее попробуйте. Я уже глоток сделал - намного вкуснее покупного.

— Неужели настолько? — со смехом спросил Нин Гуйчжу, откладывая нож.

Ван Чуньхуа тоже поднялась и подошла. Взяв вторую чашку сладкого супа, она возразила:

— А что тут преувеличенного? Что бы ты, Чжу-гер, ни приготовил, всё получается вкусным.

Нин Гуйчжу рассмеялся и сделал глоток сладкого супа из маша.

Отвар ещё до полудня опустили в колодец в деревянном ведре, и теперь, когда его достали, он был приятно холодным. Разваренный до нежной, чуть мучнистой мягкости маш отдавал лёгкой сладостью, даря в летний зной глубокую и долго не проходящую прохладу.

Сюн Цзиньчжоу вернулся на кухню, взял свою чашку и, попивая на ходу, вышел обратно. Усевшись рядом с Нин Гуйчжу, он с надеждой спросил:

— А завтра я могу взять одну бамбуковую флягу с собой в ямэнь?

Сегодня он купил несколько таких бамбуковых сосудов. Если немного погода хорошенько их вымыть и высушить, а потом на ночь опустить в колодец, завтра суп наверняка будет таким же прохладным.

Нин Гуйчжу ответил:

— Взять-то можно, только пока донесёшь, он, наверное, уже перестанет быть холодным.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение огорчился, но тут же сказал:

— Ничего. Мне просто нравится пить то, что ты готовишь.

— Тогда бери, — согласился Нин Гуйчжу.

Домашний бамбуковый сосуд изначально и покупали для того, чтобы Сюн Цзиньчжоу мог брать с собой суп, поэтому вместимость у него была небольшой. На троих каждому досталось лишь чуть больше половины чашки, и всё быстро выпили.

Сюн Цзиньчжоу забрал пустые чашки и палочки и направился на кухню. Нин Гуйчжу вслед напомнил:

— Остальной суп из маша весь в глиняном горшке. Я туда ещё сахар не добавлял, не забудь положить побольше.

— Знаю.

Сюн Цзиньчжоу махнул рукой и сам отправился на кухню.

Нин Гуйчжу тем временем поднялся, собираясь закончить оставшуюся часть бамбуковой кровати. Ван Чуньхуа только что выпила холодного супа и пока совсем не хотела возвращаться под палящее солнце, поэтому осталась рядом помогать: то подавала нужные вещи, то придерживала кровать, чтобы та не сдвигалась.

Когда все толстые поперечные бамбуковые планки были забиты в пазы и надёжно закреплены, Нин Гуйчжу взял оставшиеся куски бамбука и расщепил их на длинные полосы толщиной примерно с палец. Разложив их по поверхности будущего ложа, он примерил расположение, выдолбил соответствующие пазы и вставил в них короткие поперечные планки, скрепляя длинные полосы между собой. Такую операцию требовалось повторить ещё четыре-пять раз, чтобы все бамбуковые полосы превратились в цельное ложе.

Тем временем Сюн Цзиньчжоу набрал половину ведра колодезной воды, поставил туда наполненные сладким супом из маша бамбуковые сосуды, а затем заткнул свободное пространство чистой тканью, чтобы те не перевернулись. После этого он снова опустил ведро в колодец.

Разобравшись с супом, Сюн Цзиньчжоу заодно вымыл глиняный горшок и черпак и поставил их сушиться. Вернувшись в главный зал, он увидел, как Нин Гуйчжу с трудом управляет с бамбуковыми планками, и, засучив рукава, сказал:

— Покажи, что здесь делать. Давай я.

Нин Гуйчжу подвинулся в сторону. Дождавшись, пока Сюн Цзиньчжоу надёжно перехватит заготовку, он начал объяснять ему, что и как делать. Сам этот этап изготовления ложа был несложным, да и работы оставалось немного, поэтому Сюн Цзиньчжоу довольно быстро со всем справился. Нин Гуйчжу тем временем выстругал две бамбуковые планки и ждал рядом. Когда Сюн Цзиньчжоу установил готовое ложе на каркас кровати, Нин Гуйчжу протянул ему эти планки.

— С обоих концов есть пазы, просто вставь туда бамбуковые планки, — сказал Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу поискал и нашёл пазы на длинных сторонах с обоих концов. Когда он вставил

подготовленные Нин Гуйчжу планки, те заметно выступили наружу. Он машинально поднял голову и посмотрел на Нин Гуйчжу:

— Забить?

Нин Гуйчжу кивнул. Сюн Цзиньчжоу взял лежавший рядом нож и обухом забил планки внутрь. По мере его ударов ложе окончательно и прочно закрепилось на каркасе бамбуковой кровати. Нин Гуйчжу похлопал по поверхности рукой и почувствовал, что в местах соединения с пазами всё ещё недостаточно крепко. Он забрал у Сюн Цзиньчжоу нож, ещё несколько раз подбил обухом соединения, немного всё подправил и наконец сказал:

— Теперь примерно готово.

— На неё уже можно садиться? — спросил Сюн Цзиньчжоу.

— Конечно.

Получив утвердительный ответ, Сюн Цзиньчжоу с явным нетерпением опробовал новую кровать и сел на неё. Послышалось лёгкое поскрипывание бамбука, но конструкция и вправду оказалась очень крепкой.

Закончив кровать и некоторое время с интересом её поразглядывав и опробовав, супруги вместе с Ван Чуньхуа принялись убирать пшеницу. Все зёрна до единого обобрали с колосьев, а солому складывали рядом на земле.

Когда солнце начало клониться к западу, Сюн Шишань привёл троих детей. Он поставил рядом табуретки и суровым тоном приказал:

— Идите сюда. Пока все зёрна не оберёте, играть не пойдёте.

Трое взрослых, до этого работавших и весело переговаривавшихся, невольно посмотрели на плетущихся далеко позади детей. Вид у всех троих был совершенно понурый.

— Что случилось? — спросили они у Сюн Цзиньпина.

Сюн Цзиньпин при одном воспоминании снова разозлился:

— Возвращался после доставки тофу и увидел, как эти трое дерутся на ходу, направляясь за деревню.

Сама по себе детская драка была пустяком, но вот то, что они пошли за пределы деревни...

Лицо Ван Чуньхуа мгновенно изменилось. Она вскочила и принялась искать палку.

— Вы трое решили вообще домой не возвращаться?!

И без того всю дорогу получавшие нагоняй от отца дети после этих слов окончательно не выдержали, и крупные слёзы одна за другой покатались по щекам.

Нин Гуйчжу было больно на них смотреть, но мешать Ван Чуньхуа воспитывать собственных детей он тоже не мог, поэтому решил зайти с другой стороны:

— А почему вы вдруг с кем-то подрались?

— Да разве детям для драки причина нужна?

Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа вовсе не сердились из-за самой драки. Их разозлило другое: трое детей без взрослых выбежали за пределы деревни. Если бы им попался похититель детей, семья могла бы потом всю жизнь их не найти.

Увидев, что Ван Чуньхуа уже принесла бамбуковую ветку, Нин Гуйчжу поспешно поманил к себе младшую Сюн Иньинь и укрыл её в объятиях.

— Расскажи учителю, почему вы подрались и зачем пошли за деревню. Разве вы не знаете, что снаружи опасно?

Сюн Иньинь шмыгнула носом, изо всех сил пытаясь подобрать слова:

— Те старшие братья плохие. Они били маленького братика и отбирали у него пшеницу. Мы не нарочно пошли за деревню, они всё время дрались, а мне было страшно, у-у-у...

Маленький братик?

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу переглянулись - ни один не понимал, кого она имеет в виду.

А Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй в это время уже орали от ударов бамбуковой веткой, которыми их награждала родная мать. Нарочно они вышли за деревню или нет - само по себе это было очень серьёзно. Ван Чуньхуа явно собиралась как следует вбить двум старшим это в память, поэтому была далеко не символически.

Закончив с ними, Ван Чуньхуа упёрла руки в бока и указала на табуреты:

— Идите зерно с колосьев обирать!

После этого она повернулась к Сюн Иньинь, всё ещё сидевшей в объятиях Нин Гуйчжу. Выражение её лица было настолько грозным, что Нин Гуйчжу инстинктивно крепче обнял ребёнка и чуть подвинулся ближе к Сюн Цзиньчжоу.

Ван Чуньхуа:

— ...

Воспользовавшись её молчанием, Сюн Цзиньпин совершенно естественно протянул руку и забрал у жены бамбуковую ветку.

— Всё-всё. Иньинь всё-таки вела себя хорошо, просто глупенькая - не додумалась сначала вернуться домой.

Услышав это, Сюн Иньинь инстинктивно захотела возразить.

Нин Гуйчжу быстро прикрыл ей рот ладонью и тихо сказал:

— Не зли папу с мамой.

Сюн Иньинь проглотила уже готовые сорваться слова и жалобно посмотрела на родителей. На ресницах девочки ещё висели слезинки, пухлые щёки были испачканы пылью, и выглядела она до невозможности жалко.

Ван Чуньхуа помолчала и всё-таки не смогла ударить младшую дочь. Вместо этого она спросила двух старших:

— А что это за маленький братик?

Только что получивший нагоняй Сюн Чуаньшуй очень громко фыркнул и демонстративно не стал отвечать матери.

Ван Чуньхуа нахмурилась и уже хотела стукнуть его по голове, но раньше неё заговорил Сюн Цзиньбо:

— Это тот маленький братик, который собирал колосья на нашем поле. Бабушка разрешила ему там собирать.

Об этом семья уже знала.

Сюн Цзиньпин сказал:

— Кажется, это ребёнок бабушки-вдовы.

«Вдова» не было частью её имени. Просто женщина вдовствовала больше сорока лет, и со временем её настоящее имя забыли, так что все стали называть её просто бабушкой-вдовой. А ребёнка она когда-то подобрала на дороге: он родился хромым, и родная семья его бросила.

Когда вся история прояснилась, гнев Ван Чуньхуа на время прошёл. Она погладила детей по головам и сказала:

— В этом вы поступили правильно. Но в следующий раз будьте внимательнее и не выбегайте за деревню. Там могут быть похитители детей, поняли?

— Поняли-и, — послушно закивали все трое.

Отругать отругали, побить побили, но и наказание отменять было нельзя. Оставив троих сидеть под солнцем и обирать пшеничные зёрна, Ван Чуньхуа перекинулась парой слов с Сюн Цзиньпином и попросту вернулась в передний двор делать тофу.

Нин Гуйчжу посмотрел на детей, потом на Сюн Цзиньчжоу:

— Мы правда не будем помогать?

— Это не тяжёлая работа. Максимум немного на солнце посидят, ничего страшного.

— Ну ладно.

Нин Гуйчжу засучил рукава и сразу оживился:

— Тогда пойдём чистить тонкие кишки, а потом порубим мясо. Прямо сейчас сделаем колбасу.

Сюн Цзиньчжоу пошёл следом:

— Тонкие кишки очень воняют, давай я их вымою.

— Нет, у тебя опыта нет. Порвёшь, и использовать уже не получится.

— Я сначала вымою всю грязь изнутри, а потом ты уже дочистишь как следует. Так я кишки не порву.

— М-м... ладно.

Получив согласие Нин Гуйчжу, Сюн Цзиньчжоу взял кишки и таз, присел возле колодца и принялся их очищать. Нин Гуйчжу положил мясо рядом и уже собирался его рубить, когда вспомнил, что ещё не приготовил приспособление, которым будет проталкивать фарш внутрь кишок. Он отложил нож, нашёл тонкую бамбуковую трубку и начал тщательно подрезать и подгонять её ножом.

Нин Гуйчжу тщательно вымыл тонкую бамбуковую трубку для проталкивания мяса и отложил её в сторону, затем поднял руку и посмотрел на ладонь. Только что, когда он прикладывал силу, там отчётливо кольнуло, и теперь выяснилось, что в кожу впиалась бамбуковая заноза. Последние два дня он торопился с циновкой и бамбуковой кроватью, поэтому руки успели исколоться во многих местах. Какие-то занозы он замечал сразу и тут же вытаскивал, а о некоторых вспоминал лишь спустя долгое время, когда начинало болеть.

Нин Гуйчжу уже привык. Он сходил в спальню за иглой и сноровисто поддел кожу, выдавив наружу бамбуковую занозу. Очистив руки от всех заноз, Нин Гуйчжу вернулся на кухню и принялся готовить мясо для копчёной колбасы. Свинину с равным количеством жира и постного он нарезал небольшими кусочками, но не успел приступить к долгой рубке фарша, как в дверях показалась голова Сюн Цзиньчжоу.

— Чжу-гер, посмотри, как ещё нужно промыть кишки. А мясо я сам порублю.

Нин Гуйчжу отложил нож, вышел и посмотрел.

— А грязную воду куда вылил?

— В навозную яму.

— Хорошо. Тогда руби мясо.

Прежде чем заняться кишками, Нин Гуйчжу мелко нарубил имбирь и чеснок и замочил их в воде. Затем нашёл бамбуковую пластинку, истончил её ножом и с её помощью начал очищать оболочку для колбасы. На кухне Сюн Цзиньчжоу, закончив рубить мясо, снова спросил Нин Гуйчжу, что делать дальше. Следуя его указаниям, добавил приправы и яйца, перемешал всё до однородной липкой массы и убрал в шкаф мариноваться. Когда Сюн Цзиньчжоу уже полностью закончил и успел немного передохнуть, Нин Гуйчжу только тогда промыл кишки начисто и положил их вымачиваться в воду с имбирём и чесноком.

Солнце уже сместилось к западу, и небо заливала яркая вечерняя заря.

— Учитель, дядюшка! — трое детей, которых держали за работой почти весь день, подбежали и жалобно сказали: — Пить хочется.

Сюн Цзиньчжоу налил им три чашки настоя солодки, а заодно протянул ещё одну Нин Гуйчжу.

— И ты выпей.

Нин Гуйчжу не взял чашку.

— Руки ужасно воняют.

Сюн Цзиньчжоу совершенно естественно поднёс чашку к его губам. Нин Гуйчжу сделал несколько глотков прямо из его рук и сразу почувствовал, как стало легче в горле.

— Что хочешь на ужин? — спросил он.

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Если готовишь ты, мне всё подходит. А если мне готовить, тогда что-нибудь попроще.

Сложное блюдо он боялся испортить и заодно зря перевести продукты.

Нин Гуйчжу немного подумал:

— Дядя и родня невестки принесли зелень, нам тоже досталась часть. Давай сварим суп с зеленью и яйцом, ещё быстро что-нибудь обжарим, а к маньтоу подадим фужу. Как тебе?

— Можно.

Пока взрослые договаривались об ужине, дети допили воду и с облегчением выдохнули. А потом осторожно попросили:

— А мы уже можем пойти домой?

Сюн Цзиньчжоу взглянул на небо за окном.

— Идите домой. Завтра продолжите обирать зёрна.

Стоило троем детям услышать слова «идите домой», как они тут же сорвались с места и бросились наружу. Нин Гуйчжу поспешно окликнул их:

— Подождите! Возьмите с собой немного сладкого супа из маша. Пусть взрослые опустят его в

колодец охлаждаться или выпейте сразу, пока ещё прохладный, хорошо?

— Хорошо!

Услышав, что им дадут суп из маша, приготовленный Нин Гуйчжу, трое детей радостно оживились. Они дождались, пока Сюн Цзиньчжоу поднимет деревянное ведро из колодца и выдаст каждому по бамбуковой трубке, после чего весело убежали. Слушая, как их смех постепенно удаляется за пределы двора, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу переглянулись и беспомощно покачали головами.

Время уже было позднее. Когда Нин Гуйчжу тщательно вымыл руки, они вместе вынесли из главного зала нужные вещи и перетащили пшеницу внутрь вместе с сушильными циновками.

Нин Гуйчжу сказал:

— Цзиньчжоу, убери оставшееся, а я пойду готовить ужин.

— Хорошо.

Они разошлись по своим делам.

К тому времени, как из кухни поплыл насыщенный аромат еды, и передний, и задний двор уже были приведены в порядок. Сюн Цзиньчжоу закрыл маленькую заднюю калитку, распахнул главные ворота переднего двора и только после этого пришёл на кухню посмотреть, что готовит Нин Гуйчжу.

Обжаренная зелень уже стояла на столе, рядом - чашка супа с зеленью и яйцом. Ярко-зелёные листья и золотистые кусочки яйца так аппетитно сочетались друг с другом, что одного вида хватало, чтобы разыгрался аппетит.

Пока Нин Гуйчжу доставал маньтоу, Сюн Цзиньчжоу сходил в погреб и принёс чашку фужу. Они уселись за стол. Намазать немного фужу на маньтоу, запить супом с зеленью и яйцом, затем закусить хрустящими, нежными и сладковатыми овощами - в такую летнюю жару подобный ужин казался особенно приятным.

После еды они поставили греться воду. Потроха и внутренности, томившиеся в глиняном горшке, тоже уже сварились. Они приготовили корм кошкам и собакам и, увидев, как те едят, даже не поднимая голов, в хорошем настроении вернулись на кухню делать колбасу.

Самодельная бамбуковая трубка для набивки мяса была не идеальна, но в целом процесс шёл довольно гладко. Глядя, как тонкая кишка постепенно наполняется мясом и становится пухлой и тугой, Сюн Цзиньчжоу уже начал представлять, каким вкусом будет обладать готовая копчёная колбаса.

Когда всё подготовленное мясо набили в кишки, немного фарша всё же осталось.

Нин Гуйчжу сказал:

— Оставим его до завтра, сварим кашу с мясом. Пока уберём в шкаф. А сейчас нужно принести свежих сосновых и кипарисовых веток. Когда оболочка немного подсохнет, проколем отверстия для воздуха и можно будет развесить колбасу в коптильне.

— Я сам схожу, — Сюн Цзиньчжоу взял Нин Гуйчжу за руку. — Ты весь день работал, посиди дома, отдохни.

Нин Гуйчжу немного подумал и не стал отказываться, лишь напомнил:

— Смотри по сторонам, чтобы змея не укусила.

— Хорошо, не переживай.

Проводив Сюн Цзиньчжоу взглядом за ворота, Нин Гуйчжу немного посидел, но вскоре опять не выдержал без дела. Увидев, что вода в котле уже достаточно нагрелась, он зачерпнул немного, поставил таз на стол у колодца, добавил мыльные бобы и быстро взбил пену. Нин Гуйчжу вынул шпильку из волос и положил рядом, пальцами аккуратно расчесал длинные пряди, а затем первым делом опустил в воду кончики волос.

Мыть длинные волосы было хлопотно, и к тому времени, как Нин Гуйчжу закончил, одежда на нём уже успела промокнуть. Всё равно чуть позже предстояло купаться, поэтому он просто распустил длинные волосы по спине, вымыл таз и вытер намокшую часть стола. Закончив уборку, Нин Гуйчжу взглянул на воду, гревшуюся в котле, взял веер и стул, вышел во двор и уселся сушить волосы на ветру.

Под его весом стул опирался лишь на две задние ножки и слегка покачивался в такт движениям Нин Гуйчжу. Сам он выглядел совершенно расслабленным и беззаботным.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, волоча за собой сосновые и кипарисовые ветви, и увидел Нин Гуйчжу, так мирно сидевшего во дворе, на его лице появилась лёгкая улыбка.

Нин Гуйчжу поднялся и небрежно отложил веер:

— Зачем ты сразу столько принёс?

— Ничего, помогать не надо. — Сюн Цзиньчжоу уклонился от протянутой к веткам руки. — Что не используем, уберём в дровяной сарай. Если принести мало, завтра тебе опять придётся в самую жару идти в горы.

Нин Гуйчжу замер, а потом рассмеялся:

— Тогда спасибо тебе за труды.

Сюн Цзиньчжоу бросил ветви, подошёл ближе и поцеловал его, смягчив голос:

— Для собственного дома стараюсь, это не в тягость.

...

Стояла жара, поэтому поверхность колбас уже подсохла. Нин Гуйчжу ещё раз подтянул верёвки, которыми они были перевязаны, и тонкой бамбуковой палочкой равномерно проколол оболочку, одновременно велел Сюн Цзиньчжоу разжечь печь и налить туда воды.

Нин Гуйчжу опустил колбасы вариться, а пока они готовились, нашёл несколько бамбуковых планок подходящей длины, вырезал на обоих концах пазы, обмотал тканевыми полосками и отложил до нужного момента.

По мере того как колбасы проваривались, аромат становился всё насыщеннее. Нин Гуйчжу не отходил от них и прокалывал вновь появлявшиеся воздушные пузыри. Наконец дождавшись, когда их можно будет вынуть, оба с трудом подавили желание тут же съесть пару штук. Они быстро обмотали колбасы вокруг бамбуковых планок, зацепили крюками и развесили на перекладине внутри коптильни.

Разгорелось пламя. Сверху набросали тонких влажных сосновых и кипарисовых веток, и, когда повалил густой дым, Сюн Цзиньчжоу поставил на место дверь коптильни и подпёр её палкой.

Под всё ещё витавший вокруг запах еды они по очереди сходили в купальню, затем уселись во дворе, покачиваясь на стульях и наслаждаясь ночной прохладой. К тому времени, как волосы Нин Гуйчжу высохли на вечернем ветру, было уже довольно поздно, а аромат со стороны коптильни постепенно рассеялся вместе с ночным ветерком.

—

Пшеницу сушили ещё два дня. Благодаря тому, что дети вручную выбирали остатки соломы, теперь в ней уже совсем не осталось стеблей. Золотистые зёрна плотным слоем покрывали сушильные циновки, и один их вид радовал сердце.

На третий день пришли служители уездной управы собирать зерновой налог. Сюн Цзиньпин пришёл заранее, пересыпал зерно с циновок в большие плетёные корзины, свернул циновки и открыл ворота переднего двора.

Нин Гуйчжу всё это время помогал ему, а когда закончили, с любопытством спросил:

— Старший брат, сколько человек пришло собирать земельный налог?

— Четверо, — ответил Сюн Цзиньпин.

Только услышав голос Сюн Цзиньпина, Нин Гуйчжу заметил, что тот немного напряжён, и невольно спросил почему. Всё-таки эти служители тоже работали на власть: даже если они не станут особенно благоволить семье ради Сюн Цзиньчжоу, то по крайней мере должны избегать слишком уж чрезмерных действий, разве нет?

Сюн Цзиньпин объяснил:

— Среди приехавших служителей есть люди из областной управы.

Такие уже не станут менять отношение к ним ради уважения к кому-то. К тому же дело касалось зерна, поэтому нервы сами собой натянулись.

Услышав это, Нин Гуйчжу понимающе кивнул.

Пока они ждали, он немного отвлёкся на размышления. В древности многие порядки существовали ради того, чтобы власть императора могла доходить до самых низов. Люди из областной управы, вероятно, были частью системы надзора. Не зря это была недавно созданная династия - многие установленные правила действительно исполнялись на деле.

Одновременно прислушиваясь к детскому чтению, они прождали довольно долго. Наконец четверо служителей с принадлежностями появились во дворе в сопровождении Сюн Шишаня. Едва войдя, мужчина во главе группы окинул взглядом зерно в корзинах. Выражение лица у него было довольно холодным, но спросил он всё же спокойно:

— Сколько му земли дали эту пшеницу?

Сюн Шишань ответил:

— Шесть му.

Раз его прислали следить за сбором пшеницы, мужчина хорошо разбирался в полевых делах. Услышав ответ, он примерно прикинул урожай и, убедившись, что количество зерна выглядит нормальным, повернулся к служителю местного ямэня.

Тот как раз украдкой закончил здороваться с Нин Гуйчжу и, заметив внезапно обращённый на

себя взгляд, мгновенно принял серьёзный вид.

— У их семьи действительно шесть му земли среднего качества.

Мужчина посмотрел сначала на сопровождавшего их служителя, затем на молодого фулана, стоявшего у двери спальни.

— Знакомы?

Служитель тихо пояснил:

— Это супруг нашего батоу, а этот - его старший брат.

— А-а.

Мужчина кивнул и больше ничего не сказал. После этого они принялись взвешивать зерно. Пшеницу взвесили, затем отмерили положенную по земельному налогу долю и пересыпали её в принесённые с собой полотняные мешки.

Нин Гуйчжу налил им несколько чашек воды и предложил:

— В такую жару выпейте немного, прежде чем идти дальше.

Большинство простых людей служителей ямэня побаивалось, поэтому редко кто сам предлагал им воды. Столкнувшись с таким отношением, никто из четверых не стал отказываться. Настой листьев танской груши сначала отдавал особым ароматом древесной листвы, а следом раскрывался прохладной, освежающей сладостью.

Служитель местного ямэня невольно спросил:

— Сюн-фулан, а что это вы за воду заварили? Вкусная.

— Высушенные листья дикой груши. Если нравится, могу потом дать немного с собой, — охотно предложил Нин Гуйчжу.

Служитель покачал головой и с улыбкой отказался:

— Не стоит беспокоиться. Я потом попрошу домашних сходить в горы поискать.

Выпив воды, четверо ушли.

Сюн Цзиньпин сказал Нин Гуйчжу:

— Пшеница пока пусть побудет у вас. Когда Цзиньчжоу вернётся, тогда дома и разделим.

— Хорошо.

Проводив Сюн Цзиньпина, Нин Гуйчжу прикрыл ворота переднего двора. Обернувшись, он увидел троих детей, которые украдкой выглядывали наружу, и с улыбкой сказал:

— А ну марш читать. Теперь пару дней пшеницу сторожить не нужно, значит, и после обеда будете заниматься.

Трое детей:

— А-а-а...

<http://bllate.org/book/14958/2041606>